

Туннельная крестовичина во снах

Баруц Едоллм укрылся газетой от полуденного солнца. Тень упала на его авоську с двумя бутылками кефира, вокруг жужжали пчелы и садились на лысину Баруца, словно бы для опыления и без того не столь уж частых волос и волосков на гладко отполированном шаре его блистательной проплешины. Возле лавочки, где расположился Баруц, возникла густая и прямая фигура чьей-то тени. Гражданин, которому принадлежала тень, чуть слышно позвал Едоллма, проходя чуть пошатывающейся походкой рассыпчатого марша подле неизвестных личностей, направлявшихся, очевидно для остальных, напрямиком на туннельные катания. Едолм тогда приоткрыл правый глаз. Затем он закрыл правый глаз и приоткрыл левый. Затем он закрыл левый глаз и снова приоткрыл правый. И только когда он одновременно и равномерно распахнул оба глаза, то понял, что над ним нависает туша дряхлого старикашки и протягивает ему своем клюве скейтборд.

Баруц невзначай подумал, что в том, что старикашка протягивал ему в клюве скейтборд, было что-то необычайное и без сомнения неправильное. “А, ну конечно же”, - сообразил он. - “ведь сейчас зима и поэтому для передвижения мне нужен сноуборд, а не скейтборд”. Старик махнул перьями лохмотьев, вытянул шерстистый клюв, превратившись в розового фламинго, который гортанно, будто пеликан какой или быть или кто еще похуже, воззвал к небу, посмотрел вверх и полетел в направлении запотевшего полуденного солнца.

От лавки, где расположился прохладиться под палящим солнцем зимы Баруц, до самого его дома, расходилась, упираясь в горизонт и толпясь прямо там, требовательная и глумливо-шумливая тройная очередь на запад, восток и, конечно же север. Вполне логично смекнув, что быстрее всего отстоять очередь можно было бы, стоя на самый юг, Едоллм в этом направлении и принялся активно настаиваться, точно ликер какой. Несуществующие колесики сноуборда оставляли в снегу две длиннющие лыжни, точно щербатые беличьи зубы, и по ним уже начинали проводить экскурсии профессиональные биатлонисты, но повнимательней присмотревшись и протерев варежкой очки, усердно подышав на стёкла, человеке наш всеобщий заметил, что это не снег вовсе, а опадающие лепестки цветущих вишен вперемешку с тополиным пухом.

Кавалькада, состоявшая из нескольких детишек, недалеко, если не сказать, что вблизи с громким и причмокиванием, причавкиванием и

улюканьем катила на холм пыльно-белый шар в качестве фундаментальной запчасти сыроватого снеговика оттепели, чуть грустного от понимания кратковременности века своего жизненного цикла. Подумав чуток, Баруц решил, что катание шариков для снеговиков - это вовсе не детская игра, а замаскированный под игровой процесс древнейший безусловный рефлекс, оставшиеся людям от скарабеев и заставляющий этих жуков с утра до вечера носиться со своими дурацкими шариками. В людях же рефлекс сей проявлялся в самом нежном возрасте в виде атрофирующегося впоследствии атавизма разума, заставляющего детсадовскую молодежь катать зимой целые льдисто-пушистые глобусы для снежных баб.

В подобных размышлениях о генетических истоках архетипического начала катания снеговиков человеческими детенышами, собственно и прошел весь путь Баруца до туннеля. Над свивающимися и развивающимися тоннелями висела надпись, которая гласила: “Граждане, будьте бдительны, услуги предоставляет Крестовичина!”. Что это за Крестовичина такая и почему её вдруг следует опасаться и потому быть бдительными, администрация туннеля не сообщила, посчитав сей факт для среднего посетителя за само собой разумеющийся, а потому каких бы то ни было мало-мальских разъяснений не требующий.

Баруц с разбегу запрыгнул вовнутрь туннеля, и тотчас же его легкие наполнились испарениями длинных подземных коридоров. Он неожиданно ощутил себя летучей мышкой, множественно свисающей вниз головой между деревьями и удалённой сама от себя в разные стороны на значительное расстояние так, что создавалась иллюзия, будто бы этих летучих мышей, состоящих только из Баруца, целая стая на несколько сотен голов, тогда как он существовал только лишь в единственном экземпляре, а мыши были только его зеркальными проекциями.

Когда этап множественности летучих зверушек был пройден, то единственное неудобство начинали представлять собой туннельные обезьяны, которые постоянно сновали по всей протяженности растянутого между деревьями мохнатого тела Едоллма в обе стороны, чем доставляли некоторую щекотку и дискомфорт. Он вспомнил, что когда-то давно в детстве ему все время снился один и тот же сон, в котором он по совершенно непонятной причине довольно-таки дико пугался прыгающих с ветки на ветку мультяшных обезьян, то и дело показывающихся то из-за одной ветки лианы, то из-за другой. Казалось, что постоянная вереница чужих снов, в которые он теперь проникал,

ныряя всё глубже и глубже и выстраивая стройный ряд в его личном сознании, побуждала его проникнуться максимально другим режимом миропонимания, абсолютно не свойственным Едоллму, ибо из пут настроения ассоциации чужих снов рождались теперь вновь воспоминания о своих и чужих снах и собственно сами принадлежащие ему сновидения и полёты.

Он оказался на поверхности серебристой планеты, которая покрывала блеском свою пустошь. Неожиданно он понял, что серебристый блеск - это не что иное, как океан из жидких зеркал, которые не любят свои собственные мысли и чувства. Пропуская их через разум планетарного эйдоса кластерное содружество зеркальных планетарных галактик, реализует мириады паттернов ля образов и тем наших снов, в том числе и бодрствующий сон разума, но уже на совершенно новом уровне.

Одной из задач, лавиной свалившихся на плешь Баруца, как только он ступил через порог туннелей, было теперь найти выход из окружавших его дворов иллюзий. Улицы плавали у него прямоком перед глазами, извиваясь, точно змеи, а здания обступали со всех возможных сторон. В окнах заданий горел яркий всепроникающий даже под кожу свет, шептавший в уши подсказки. По его разумению, Едоллм подпрыгнул, вознесясь на несколько этажей, и заглянул в сияющие гиперкеросиновым пламенем окна. И стоило лишь выполнить этот трюк, как пришло осознание, что недаром в каждой освещенной квартире было по вороне в клетке: вороны являлись сосредоточением силы и разумов надвигающихся на меня со всех сторон домов, а совокупность вороньих клеток, объединённых общей нейросетью, обнаружила существование единого общего мозга шагающих построек и домов, потрясающих грохотом своих железобетонных фундаментальных пят.

Для того, чтобы остановить это безумие в городском восстании пляшущих зданий, было бы логично обезвредить потуги коллектива ворон клеточной нейросети. Баруц решил заняться доскональным изучением общих мировых корней ворон, ставя над ними эмпирически верифицируемые эксперименты сквозь крыши в бункере туннелей, а закончив исследование, прыгнул разрабатывать новейшее суперсредство “Антиворон”, однако не успел закончить этот грандиозный проект, как здания придвинулись плотную и расстреляли его прямоком в хрупкий мир, словно скорлупку яйца.

Однако “Антиворон”, запущенный Баруцем и призванный бороться, уже успел оказать необходимый эффект, свернув туннельные дворы

вороньих иллюзий в маленький плотный клубок, выскочивший над крышами нейросетевых разумных домов маленьким прыгучим прозрачным мячиком с объемными разноцветными полосками лент внутри.

Здрав очи долу на высоту, втроекратно превышающую максимально достижимую из всех возможных высот, Едоллм провел доброе дело завершающего этапа аннигиляции выплеснувшихся на него иллюзий, обретя в процессе борцовой экзальтации мастерство понимания необходимости выполнить ещё и оптимизационную диверсификацию исходного кода тушки вороны. Баруц отнюдь ещё не был сломлен, зато был преисполнен сил и решительности продвигаться по туннелям дальше, натываясь через остановку на кое-то ещё почище пляски домов и в конце концов побеждённых иллюзорных дворов. Так восстание городских построек, устроенное этими холодными объединениями разумов трансперсональных птиц, прекратилось до окончания лучших времен.

После прыжка заключённый в полосках мячика Едоллм вдруг осознал, что падает в бесконечный виртуальный туннель, располагавшийся, по-видимому, где-то во второй или даже третьей итерации базовых сонных туннелей Крестовичины. Стоило ему лишь слегка изменить собственный угол обзора, и бесконечное проваливание превратилось в бесконечное вертикальное восхождение взлета. “Вот так всегда в жизни”, - подумал Баруц. - “Падения в их любой момент и в любой форме можно перепредставить, перевоспринять, увидев их как восхождения, и напротив, любые восхождения можно увидеть вдруг как падения. Надо только захотеть, знать когда это возможно и что именно требуется делать, и постараться не ошибиться, а для этого требуется точно знать устройство вероятностей. Да и вообще в мире возможно абсолютно всё. Надо только захотеть, и знать как хотеть, всецело предвидя все перемены в их всереальной взаимосвязи и взаимодействии в качестве последствия этого хотения.”

Тем временем, туннель принял форму каких-то исполинского вида механизмов, за которым открывалось титанического масштаба воистину необъятное пространство, в свою очередь уже за которым ничего нельзя было разглядеть даже при очень большом и сильном желании. Уже пребывая в этом пространстве, Баруц Едоллм запоздало понял, куда это именно его друг занесло: в наковальню мира, где блещут и плещутся ослепительные дискретные всполохи вспышек перед двойственным объективом оставленного друг против друга одного и того же фотоаппарата, который, снимая сам себя, порождает

действительность, голографически висящую где-то между двумя его взаимоснимающими и взаимоснимаемыми сторонами, тут же от этой же действительности отталкиваясь вновь и вновь в пляске своего бесконечного цикла.

Верхняя линза фотообъектива является всего лишь отражением нижней его линзы, тогда как нижняя его линза является всего лишь отражением верхней его линзы. И обе из этих линз существуют ровно настолько же, насколько они не существуют. Просто для каждой из них реально только их собственное существование и нереально существование их отражения, суть иллюзии которого на самом деле в том, чтобы казаться каким-то за исключением и за пределами самого себя настоящего. Но не стоит забывать, что и всё это ничто иное, как только лишь иллюзия - все их взаимоотражения, фотовспышки и порождённый фотоаппаратом голографический мир самого себя.

Наковальня миров совершалась, позволяя отдельным сторонам себя друг другу оказаться в общем единстве совместности, взаимо- и саморефлексии, и тогда только Едоллм увидел источник всех миров и этого туннельного сжимающегося и разжимающегося аттракциона, преисполненного экзистенциальной парадоксальностью: огромного паука, из кончиков лап которого восьмиугольником струилась непрерывная радужная паутина, переливаясь глубинами измерений в лучах отражения реальности на саму себя.

Этот паук и был поставителем услуг туннеля - той самой туннельной Крестовичиной, пропирательницей только лишь из пучин стадии глубокого сна и светящей путникам из далека манящим и чарующим огоньком приманки в конце туннеля. Этот паук был назван человеческим родом Великой Пустотой или Божественным Ничто. Присмотревшись к Крестовичине Баруц внезапно обнаружил, что никакого паука на самом деле просто не существовало, а были лишь паучьи лапы и их отражение в разнообразных искажённых формах в чистых линиях радужных фракталов паутины, из которой Крестовичина плела и продолжает плести свой мир снов - столь же ирреальный, как и действительный.

Баруц Едоллм приподнял газету и попрыгал отблеском зайчика по тропинке, приплясывая на расплавленном асфальте солнечными пятнышками. Вокруг по-прежнему припекало зимнее дневное светило и колотилась озимая рожь, румяные девушки маршем шагавшие в направлении паучьих туннелей, четко и точно чеканили свой шаг, как дрова рубили или капусту, прикрываясь от палящих солнечных лучей полуразрушенными от света полиуритановыми зонтиками.

Баруц добрался до самой верхней шпильки на крышке мира и увидел как кишит на планете жизнь. Он выглядывал и вглядывался в это мельтешение, пока не уловил по всей Земле и в Космосе особый, ни с чем не сравнимый пульс и ритм. И тогда Баруц вернулся к видению этого ритма как пульсации мельтешащих лапок несуществующего паука, отражённых фотовспышками двухлинзового аппарата порождающего всё человеческое пространство обитания. Так он и видит мир по сей день.

*Белоусов Роман,
30 апреля 2012 года.*